

УДК 343.7

*К.М. Воеводкина***УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА КРЕДИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Изучение действующего уголовного законодательства России все чаще приводит исследователей к осознанию необходимости обращения к истокам появления и последующего развития той или иной нормы права. Анализ исторического развития ответственности за преступления в сфере кредитования вызывает не только научный, но и практический интерес. Это обусловлено тем, что исследования законодательных актов прошлого, а также условий, при которых они действовали, дают возможность выявить как недостатки, так и достоинства существовавших норм, что может быть положено в основу совершенствования механизма уголовно-правовой охраны отношений в сфере кредитования сегодня. Для исследования используются исторический и генетический подход, диалектический, логический и специально-юридический методы. Анализ исторических актов прошлого дает возможность проследить развитие кредитных отношений, появление норм, направленных на охрану этих отношений, и выделить те законодательные положения, на основе или с учетом которых можно пересмотреть и реформировать действующие нормы Уголовного кодекса Российской Федерации в сфере охраны кредитных отношений.

Ключевые слова: кредит, кредитные отношения, охрана отношений в сфере кредитования, история развития ответственности.

Потребность в охране заёмных отношений осознавалась на всех исторических этапах развития Российского государства. Однако в памятниках права, начиная с XI до XIX в. упоминаний об известных нам в настоящее время составах «незаконное получение кредита» и «злостное уклонение от уплаты кредиторской задолженности» нет, тем не менее схожие нормы, направленные на охрану кредитных отношений, были. Они предусматривали ответственность за банкротство и подлог, а в более поздний период и за мошенничество.

Период Древнерусского государства характеризуется появлением первых источников права, содержащих положения о предоставлении займов, ссуд, а также норм, направленных на охрану имущественных отношений и предусматривающих ответственность должников. Поскольку основанием возникновения указанных отношений был договор, можно предположить, что данные нормы по своему характеру были гражданско-правовыми, что свидетельствует о достаточно развитой для того времени системе имущественных отношений [1].

Помимо договора, основанием их возникновения могло быть и причинение вреда. При этом четкого разграничения между уголовными и гражданскими правонарушениями не было. Как отмечал А. Чебышев-Дмитриев, «причин, затрудняющих процесс разделения гражданских неправд от уголовных правонарушений, много. Они заключаются в том, что при гражданской и уголовной неправде воззрения молодого общества исходят из точки зрения личной обиды. Вор ли обкрадывает меня, или должник не платит занятых у меня денег, оба они, нарушая мое имущественное право, в то же время оскорбляют мою личность» [2]. Разница между двумя формами ответственности, как считает ряд исследователей, заключалась в том, что за уголовное деяние виновный нес ответственность в виде уплаты виры князю, а за гражданское – возмещал ущерб в денежной форме семье потерпевшего [3. С. 22].

Развитие указанных имущественных отношений было обусловлено начавшимся разделением труда и его дальнейшим углублением, развитием производственных сил, расширением экономических связей и, самое главное, торговых отношений, участниками которых были как русские купцы, так и иностранные торговые люди. В связи с этим нам представляется обоснованным тот факт, что в первом крупном памятнике древнерусского права – Русской Правде [3] больше всего внимания из всей сферы имущественных отношений было уделено заёмным отношениям. Однако строгих правил, регламентирующих отношения в сфере кредитования, закреплено не было.

Долгое время считалось, что кредитные сделки на внутреннем рынке Древней Руси должны были быть удостоверены свидетелями (послухами) и духовенством, в связи с этим неисполнение платежей считалось грехом [4]. Тем не менее не все боялись жить с грехом подобного рода, поэтому ст. 47 Русской Правды (Текст приводится по Троицкому списку. – *К.В.*) предусматривала ответственность должника в случае нарушения условий займа: «Если займодавец потребует уплаты долга, а

должник начнет отпираться, то займодавец обязан представить послухов, которые пойдут к присяге, и тогда он получит свои деньги». Если должник не «дал ему кун (денег) за много лет, то платить ему за обиду (преступление) три гривны». Таким образом, спор между займодавцем и заёмщиком решался в присутствии свидетелей, а длительное невозвращение долга, подобно положениям действующего уголовного закона (ст. 177 УК РФ¹), считалось преступлением.

Русской Правде был известен и договор займа для торговых целей между специальными субъектами – купцами, который также был подкреплён уголовно-правовой охраной. В ст. 54 и 55 Пространной редакции были определены последствия только для купцов-банкротов. По общему правилу, банкротство, утрата взятых денег в долг не влекли за собой наступления уголовной ответственности. Так, если купец был не в состоянии уплатить долг в силу несчастного случая – кораблекрушения, пожара или ограбления, то «нельзя сделать ему какое-либо насилие или продать его в рабство, но необходимо позволить ему рассрочку платежа на несколько лет...». Однако такая льгота не распространялась на купца, утратившего капитал в результате пьянства или иных предосудительных действий (проиграет, испортит по глупости). Судьба такого лица зависела от пожелания кредиторов: купец либо возмещал утраченное и в рассрочку выплачивал долг, либо подлежал наказанию в уголовном порядке, а именно возмещению ущерба путем продажи имущества, а затем и его самого в холопы [5].

Стоит отметить, что такое наказание было тяжелее, чем то, которое назначалось в случае причинения кому-либо тяжких увечий и даже убийства. Как отмечал В.О. Ключевский, «имущество человека в Правде ценится дороже самого человека, его здоровья и его безопасности. Поэтому имущественная безопасность и неприкосновенность собственности обеспечивалась в законе личностью человека» [6], тогда как при убийстве наказание выражалось лишь в виде уплаты виры князю, что свидетельствует о восприятии имущества в качестве большей ценности, нежели жизнь человека.

Иных норм, непосредственно предусматривающих ответственность за нарушение кредитных отношений и имеющих прямое отношение к уголовному праву, Русская Правда не содержала. Однако и то, что уже было отмечено, представляет несомненный интерес в изучении первых этапов становления и развития уголовной ответственности в исследуемой нами области отношений.

В период государственной раздробленности (XII–XV вв.) уголовное право развивалось на основе Русской Правды. Вместе с тем не менее значимыми источниками права Древней Руси данного периода стали Новгородская и Псковская Судные грамоты [7].

Псков, будучи богатым торговым городом, который свободно развивался, нуждался в обширном законодательстве по гражданскому праву вообще и обязательственному в частности [8], поэтому в Псковской Судной грамоте значительное место занимает обширный перечень норм материального права, особенно гражданского. Из них можно выделить порядок осуществления кредитных операций в торговой сфере. Например, в ст. 38 указанной грамоты сказано, что любые кредитные сделки должны быть оформлены в письменном виде (запись, доска). При этом запись представляла собой письменный документ, копия которого сдавалась на хранение в архив Троицкого собора, а доска была простым домашним документом, подготовленным на бересте или доске. Для сравнения – в период формирования права Древней Руси подобные отношения заключались в устной форме. В целом такая обязанность служила защитой добросовестных займодавцев в случае возможного нарушения кредитных обязательств со стороны должников.

Законодательство периода становления централизованного государства (XV–XVI вв.) характеризуется появлением такого важного источника права, как Судебник 1497 г. [9].

Содержание Судебника являлось по преимуществу уголовным и уголовно-процессуальным. В его состав впервые были включены преступления, ранее неизвестные Русской Правде и Псковской Судной грамоте – разбой, истребление и повреждение чужого имущества.

Обязательствам из договоров Судебник уделял меньше внимания, нежели прежние акты. О займе говорилось лишь в одной ст. 55, предусматривающей разные последствия невозвращения долга несостоятельным должником в зависимости от наличия или отсутствия злой воли, как было в ст. 54 Русской Правды. Судебник дополнял норму тем, что сумма долга должна взыскиваться «без росту», то есть без начисления процентов, что значительно улучшало положение должников, защищая их от постоянного увеличения суммы долга и злоупотреблений со стороны кредиторов.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 22.11.2016) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Расширение области обязательственных отношений и, в частности, заемных было осуществлено в главном источнике права периода сословно-представительной монархии – Судебнике Ивана Грозного 1550 г. Порядка оформления исследуемых обязательственных отношений закреплено не было, однако в Судебнике появились две разновидности займа – с кабалою и без кабалы. Устанавливалось, что в последнем случае лицо оставалось свободным и отвечало по обязательствам лишь своим имуществом, что нельзя сказать про первый вид. Заем с кабалой предполагал обращение в кабальное холопство, а это, в свою очередь, являлось разновидностью найма и оформлялось специальным документом. Оформление того или иного вида заемных отношений зависело от того, к какому сословию принадлежал заемщик. Если лицо относилось к сословию феодалов, то заем заключался без кабалы, если к холопам – с кабалою. Таким образом, данные отношения носили сословный характер и обеспечивали интересы господствующего в то время сословия землевладельцев.

Для осуществления разграничения среди таких имущественным преступлений, как татьбы и мошенничества в данном законодательном акте впервые появляется термин «мошенник». В ст. 58 указано: «А мошенику та же казнь, что и татю. А кто на оманщике взыщет, (и) доведет на него; будет (ино) у ищей иск пропал, а оманщика как его приведут, ино его бити кнутьем» [9. С. 108]. Пытаясь выяснить смысл данной нормы, И.Я. Фойницкий пришел к выводу, что мошенничество было «ловкой, но мелкой кражей» и, согласно этимологии слова «мошенничество», которое в то время раскрывалось через слово «мошна» (карман или сумка для денег), речь шла о карманной краже либо краже такой мошны [10]. Другой позиции относительно вышеназванного преступления придерживался М.Ф. Владимирский-Буданов [11]. Он отмечал, что Судебник Ивана Грозного впервые ввел термин «мошенничество» в целях разграничения с татьбой. Речи о получении чужого имущества обманным путем еще не было.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что рассматриваемые заемные отношения долгое время носили частный характер, возникающий между специальными лицами – купцами, так как до XVIII в. в России специализированных организационных форм по предоставлению займов не было. Однако существуют исторические свидетельства, относящиеся к 1632 г., о первых фактах предоставления государственных кредитов, необходимых для постройки Тульского оружейного завода, что выходит за рамки отношений двух отдельных лиц.

Повсеместное распространение кредитных отношений, осознание необходимости привлечения заемных средств и использования их на благо государства привели к тому, что в третьем по счету законодательном памятнике права – Соборном Уложении 1649 г. [12] нормы относительно регулирования и охраны отношений в сфере кредитования были расширены.

В Соборном Уложении дальнейшее развитие получили такие институты гражданского права, как договор купли-продажи, мены, займа и поклажи. Помимо повсеместного введения положения об обязательной письменной форме договора займа и ссуды Соборное Уложение пытается облегчить положение дворян-должников путем установления запрета взыскивать проценты по займам. Кроме того, внимание привлекают ст. 203 и 204, которые «уходят корнями» в ст. 54 Русской Правды и ст. 90 Судебника. Как и в прежних источниках права, в Соборном Уложении различались два вида несостоятельности должника – неблагоприятная деятельность и несчастный случай. В зависимости от этих видов также определялась и ответственность. При несостоятельности в результате несчастного случая должнику, как и прежде, предоставлялась отсрочка, однако в Уложении, в отличие от Русской Правды и Судебников, был определен точный срок – 3 года, в течение которого долг должен был быть выплачен. Кроме того, Уложение расширяло круг субъектов, к которым могли быть применены нормы о несостоятельности. Если в Русской Правде речь шла только о купцах, взявших чужие деньги для торговли, то в Соборном Уложении уже говорилось о всяком долге и любом должнике, при этом за возврат долга кто-то должен был поручиться. Если должник не мог найти поручителей, то, как гласила ст. 204, в наказание он выдавался истцам «до искупу», то есть до отработки долга.

В ст. 206 гл. X Соборного Уложения была предусмотрена ответственность за злостное банкротство. Данная норма без каких-либо значительных изменений в карательной части воспроизводила ст. 55 Судебника 1497 г., согласно которой должник отдавался кредитору для отработки долга.

Как отмечает А.А. Сапожков, Соборное Уложение гарантировало защиту кредитора в полной мере, независимо от виновного отношения (умысел или неосторожность) нерадивого должника к утрате средств, взятых в долг. Исследуемые нормы содержали большой предупредительный потенциал, так как должник не мог отговориться неблагоприятно сложившимися условиями на рынке, отсутст-

вием у него средств для погашения долга – его ответственность была неотвратима [1. С. 22-23]. При этом стоит отметить, что данные нормы в большинстве своем носили позитивный характер и с их помощью была обеспечена возможность возврата долгов.

Совершенствование законодательства, появление крупной торговли и увеличение видов промыслов в период абсолютной монархии XVIII в. приводит к неравномерному распределению капитала в обществе, что породило спрос на заемные средства. Хотя в Соборном Уложении договор займа рассматривался как безвозмездный, взимание 20 % и более от суммы долга считалось обычным явлением. Эти обстоятельства обусловили необходимость появления банковского дела.

Формированию банковской формы кредита послужили принятые 13 мая 1754 г. правительственные указы об учреждении Государственных заемных банков для дворянства и купечества, а также о запрещении ростовщичества [13]. Преддверием послужило создание в 1729 г. Монетной конторы [14]. В 1733 г. при расширении полномочий конторы указывалось на «совершенное отсутствие кредитных учреждений и лихоимство ростовщиков». Императрица Анна Иоанновна повелевала выдавать ссуды из монетной конторы под залог золота и серебра из расчета 8 % годовых. При этом строжайше предписывалось «алмазных и прочих вещей, а также деревень и дворов под залог и выкуп не брать» [15]. Но частно-правовых отношений с участием банковских структур в качестве самостоятельных субъектов не возникло, поскольку все формы заимствования осуществлялись под строгим контролем со стороны государства. Самостоятельность банковская система приобрела лишь во второй половине XIX в., однако это не помешало заемным отношениям на протяжении всего XVIII столетия выступать в качестве наиболее распространенных форм обязательственных отношений, оформляемых для коммерческих либо бытовых целей.

Рост числа злоупотреблений при кредитовании не только со стороны заемщиков, но и служащих банковских структур привел к осознанию необходимости принятия мер для их пресечения. Были приняты нормы, ранее не известные российскому уголовному праву, предусматривающие ответственность за получение имущества при помощи обмана. В качестве одного из видов обманного присвоения имущества, наряду с предъявлением к уплате найденного и погашенного векселя, было, согласно Указу Елизаветы от 1758 г. [16], мошенничество. Однако указанное преступление было закреплено только в 1781 г. в Указе Екатерины II «О суде и наказании за воровство разных родов и о заведении рабочих домов» [17]. Данным Указом впервые было проведено четкое разграничение трех видов корыстных имущественных преступлений: воровства-кражи, воровства-грабежа и воровства-мошенничества. Под последним деянием, согласно п.5 понималось, в том числе, обманное присвоение лицом не принадлежащего ему имущества без воли и согласия законного владельца. Таким образом, получение имущества путем обмана стало наказуемым лишь в XVIII в.

Правила относительно несостоятельности должников продолжают изменяться и дополняться. Так, Уставом о таможенном словесном суде 1727 г. предусматривалось, что те должники, которые разорились не в результате несчастных случаев, отдавались для отработки долга купцам, которые договаривались с кредитором о выплате их долгов. Если таких купцов не находилось, должники в случае годности для военной службы отдавались в солдаты, а в случае негодности – отправлялись в ссылку в Сибирь [18].

Однако уже в последующих документах, например в принятом в 1800 г. Уставе о банкротях [19], положено начало защиты интересов лиц, признанных несостоятельными в силу несчастного случая.

Отражая преюбилитетность российского законодательства, Устав о банкротях начал выделять уже три вида несостоятельности: несчастную, неосторожную и злостную. При этом указывалось, что лицо полностью освобождалось как от личного преследования, так и от имущественного взыскания (если требования кредиторов после реализации имущества должника в полной мере удовлетворены не были) при признании его несостоятельным в результате несчастного случая. Если же должник был признан неосторожным или злостным банкротом, его не только не освобождали от уплаты долга по окончании конкурса, но и могли подвергнуть наказанию. Неосторожные банкроты могли быть наказаны отправлением в тюрьму и лишением доверия, а злостные банкроты, даже в случае выплаты всей суммы долга, предавались уголовному суду и наказанию: для лиц неторгового звания за лживый поступок, для торгующих лиц – за публичное воровство. Впоследствии злостных банкротов предавали уголовному суду за подлог [20].

На наш взгляд, в XVIII в. шло активное развитие уголовного права. Этим объясняется тот факт, что те изменения, которые происходили на протяжении XVIII в., получили отражение в кодифициро-

ванных актах XIX в. При этом стоит отметить, что в XVIII в. развитой банковской системы в России еще не было создано. К 1786 г. были закрыты сословные банки – Дворянский и Купеческий из-за невозврата значительных сумм.

Думается, что одной из главных причин подобного положения явилось то, что основными получателями кредитов на данном этапе были помещики, которые использовали их в непроизводительной сфере. Закладывая поместья и земли крестьян, многие из них разорялись и не возвращали долг. Именно данное обстоятельство привело к принятию Устава о банкротах 1800 г. Зарождающаяся промышленная и торговая буржуазия, хотя и пользовалась дешевыми государственными кредитами, но из-за своей малочисленности также не способствовала широкой капитализации и развитию банковской сети. Другой причиной банковского инфантилизма, как отмечал известный ученый-историк С.М. Соловьев, были государственный монополизм в вопросе банковской собственности и взяточничество среди помещиков, коммерсантов, чиновников и самих банковских служащих. В тот период, придерживаясь теории меркантилизма, государство не допускало развитие частного банковского дела [21], поскольку не нуждалось в нем.

Процесс развития банковской системы продолжался до реформ 1861 г. и служил в основном интересам дворянства.

Вплоть до Указа императора Александра II в 1860 г. о создании Государственного банка [22] в истории банковского дела происходили события, не имевшие большой значимости, хотя и способствовавшие эволюционному развитию кредитной системы. Вместе с тем Государственный банк в целом не мог обеспечить кредитными деньгами экономику страны. В некоторой степени этому могла содействовать мобилизация сбережений граждан для инвестиционных целей. Решению по созданию такого финансового механизма способствовал принятый в 1862 г. «Устав о городских сберегательных кассах» [23]. Их общее управление возлагалось на Государственный банк. Одновременно с этим в стране стали учреждать коммерческие, земельные и кооперативные банки. Основными вкладчиками были русские промышленники и оптовые торговцы. Не оставались в стороне и крестьяне, составлявшие к концу XIX в. 77,1 % населения страны [24]. Для них с целью предоставления дешевых кредитов начали создаваться кредитные товарищества. Именно эти обстоятельства явились основой того, что банковское дело становится престижным и доходным бизнесом, и к 1873 г. совокупный основной капитал 39 действующих коммерческих банков в пять раз превышал 211-миллионный капитал Государственного банка [25].

Неожиданный активный рост числа новых кредитных структур заставил правительство заняться вопросом упорядочения их деятельности путем создания нормативной базы кредитного дела. Впервые именно в XIX в. появляются нормы, регламентирующие вопросы охраны отношений в сфере банковского кредитования уголовно-правовыми способами.

Обращение к уголовному законодательству в этот период представляется нам особенно важным, поскольку он связан со всеобщей систематизацией отечественного законодательства и появлением такого значимого для уголовного права законодательного акта, как Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [26] (далее – Уложение о наказаниях).

Нормы, предусматривающие ответственность за нарушение кредитных отношений, были закреплены в разд. XVIII гл. 12 «Постановление о кредите». Так, первым аналогом ст. 176 УК РФ являлась ст. 1569 (ред. 1845 г.) Уложения о наказаниях, которая закрепляла ответственность за подлог при займе из государственных или общественных и частных кредитных установлений.

Данный состав преступления сформулирован в качестве формального, и на тот период развития кредитной системы такой подход кажется нам вполне оправданным. Представляется, что это было обусловлено становлением банковской системы в XVIII–XIX вв. и отсутствием четкого законодательного регулирования исследуемых отношений, не обеспечивающего гарантий защиты интересов кредиторов, что порождало большое количество злоупотреблений при получении займов и их невозвращении.

В ст. 1585 Уложения о наказаниях была предусмотрена и ответственность злостных должников в случае их уклонения от исполнения своих обязательств перед контрагентами: «Кто изъ лицъ непринадлежащихъ къ торговому сословию, будетъ признанъ должникомъ злостнымъ, т.е. такимъ, о коемъ доказано, что онъ, впавши въ неоплатные долги, съ умысломъ для избежанія оныхъ перекрепилъ свое именіе или передалъ оно безденежно въ другія руки, или же посредствомъ подставныхъ ложныхъ займодавцевъ, или инымъ способом, скрылъ действительное свое именіе или часть онаго, во вредъ неудовлетворенныхъ вполне займодавцевъ» [26. С. 627]. Данная норма напоминает действующий уго-

ловный закон Российской Федерации (ст. 177 УК РФ). Исключение составляет лишь то, что Уложение 1845 г., определяя круг лиц, которые могли быть признаны должниками, исключает из их числа лица, принадлежащие к торговому сословию. Однако оно расширяет возможность привлечения лица к уголовной ответственности независимо от подтверждения долга в порядке гражданского судопроизводства, но и его размера. Думается, что охрана законных интересов кредитора в XIX в. была хотя и эффективнее, чем в XXI в., но не обеспечивала в полной мере права должника. Поэтому воспринять в современную ст. 177 УК РФ можно только условие о привлечении к уголовной ответственности независимо от суммы долга. Отсутствие условия о подтверждении размера задолженности в порядке гражданского судопроизводства не оправданно и может повлечь злоупотребления со стороны кредитора.

Ответственность за нарушения «постановлений о кредите» в полной мере охватывала случаи злоупотреблений в отношении кредитных учреждений, но ст. 1569 не охраняла права частных лиц, выступающих в качестве кредиторов. В целях защиты интересов таких лиц Уложение о наказаниях выделяло «обманы всякого рода в обязательствах», ответственность за которые была закреплена в специальной гл. V «О преступлениях и проступках по договорам и другим обязательствам». Несомненный интерес для нашего исследования представляет ст. 2200. В данной норме предусмотрена ответственность за побуждение к вступлению в невыгодную сделку или к иному распоряжению по имуществу посредством лживых обещаний и уловок, если виновный воспользовался для этого отсутствием у потерпевшего ясного понимания свойств и значения таких сделок или распоряжения и действовал с целью доставить себе имущественную выгоду. Для наличия в деянии такого состава преступления достаточно было оформления договора в письменной форме и получения виновным имущества или права на него. Посягательство могло быть осуществлено как в отношении движимого, так и недвижимого имущества.

Уложение о наказаниях 1845 г. было весьма объемным по своему содержанию, что объясняется желанием обеспечить охраной по возможности многие виды отношений, в которых участвуют различные субъекты права. Стоит отметить, что в гл. V «О преступлениях и проступках по договорам и другим обязательствам», помимо общих составов преступлений, совершаемых контрагентами, предусмотрено отделение 2 «О преступлениях и проступках по некоторым обязательствам в особенности», в котором сформулированы составы за нарушения конкретных видов обязательств. Так, в ст. 2218 параграфа III «По займам» данного отделения сказано следующее: «Кто получит вполне деньги по заемному письму, с намерением не возратить онаго должнику, или о части платежа также с намерением, не означит на сем заемном письме, или с умыслом не выдаст или утаит платежные расписки или подписанные счета, тот за это подвергается лишению всех особенных, личных и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ со ссылкой в отдаленные губернии либо подлежит отдаче в рабочий дом на время от трех до шести месяцев» [26. С. 627].

Данная норма в 1885 г. была исключена из Уложения о наказаниях уголовных и исправительных [27], что представляется нам целесообразным, поскольку подобного рода отношения в полной мере можно охранять нормами позитивной отрасли права, не прибегая к карательным воздействиям уголовного права.

По нашему мнению, Уложение о наказаниях 1845 г., было передовым для развития отечественного уголовного права, недостатками были большой объем и наличие составов, предусматривающих ответственность за такие деяния, которые могли быть пресечены в рамках позитивных отраслей права без обращения к таким радикальным способам охраны, как уголовные. Кроме того, оно не содержало последовательного разграничения преступлений и проступков, что порождало трудности на практике в отграничении административного правонарушения от уголовного. Это было одной из причин разработки и принятия еще одного законодательного акта, в основу которого были положены 652 состава маловажных преступлений и проступков, извлеченных из Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – это Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. [28] (далее – Устав о наказаниях 1864 г.).

В Уставе о наказаниях 1864 г. в отделении 4-м «О мошенничестве, обманах и присвоении чужого имущества», кроме общей нормы о мошенничестве, предусматривающей ответственность за торговые обманы, в ч. 2 ст. 174 была закреплена ответственность тех, «кто выманит у кого-либо деньги или вещи через сообщение ложных известий, или под видом выгодных предприятий, мнимых расходов по какому-либо делу, благотворительных приношений, или иным мошенническим образом» [28. С. 418]. Позже в Устав была включена и ст. 176-1, согласно которой «лица, заведомо имевшие

какие-либо способы к удовлетворению своих кредиторов, но умышленно не объявившие об этом суду или полиции, в случаях и порядке, определенных правилами гражданского судопроизводства, а также сделавшие при сем объявлении ложные показания, хотя бы от этого и не последовало ущерба, подвергаются: заключению в тюрьму от одного до восьми месяцев» [29]. Некоторые исследователи отмечают, что содержание данной статьи актуально и сегодня [1. С. 24; 30], так как доказывание объективной и субъективной сторон преступления в этом случае не представляет серьезных трудностей, поскольку опирается на формализованные и, как правило, должным образом документированные процедуры административного и гражданского процесса. Кроме того, они указывают на то, что эффективность нормы повышало и то обстоятельство, что защита кредитора начиналась не на стадии исполнения судебного решения, а раньше, на стадиях судебного и даже досудебного рассмотрения жалобы в отношении должника.

Стоит отметить, что XIX в. был насыщен законодательными новшествами. Именно в этом веке была подготовлена законодательная база для Уголовного Уложения 1903 г. [31]. Появление указанного правового акта имело важное значение, поскольку он закреплял нормы, обеспечивающие качественную уголовно-правовую охрану отношений, складывавшихся в позитивных отраслях права.

Этот этап совершенствования уголовного закона в сфере кредитования имеет большое значение, поскольку начало XX в. характеризуется стремительным развитием банковской системы в России. Так, была создана многоуровневая кредитная система: первый уровень был представлен государственными кредитными институтами, включая Государственный банк, Комиссию погашения государственных долгов, систему государственных сберегательных касс, Дворянский и Крестьянский земельные банки; на втором уровне находились 50 коммерческих банков, на третьем – специализированные иностранные банки, на четвертом – кредитные кооперативы и общества; пятый уровень был представлен иностранными банками [25. С. 250].

Таким образом, российская кредитная система начала XX в. по уровню своего развития была достаточно высокой. Соответствуя мировым тенденциям, она в полной мере отвечала требованиям обслуживания и потребностям как государства, так и запросам предпринимательского сообщества и частных лиц.

Из всех составов об использовании обмана при получении имущества, содержащихся в Уложении о наказаниях 1845 г. и Уставе о наказаниях 1864 г., в Уголовном уложении 1903 г. нашли отражение положения о мошенничестве в гл. 33. В Уголовном уложении к мошенничеству ст. 591 относилась: 1) похищение посредством обмана чужого имущества с целью присвоения; 2) похищение чужого движимого имущества с целью присвоения, посредством обмана, обвеса или иного обмана в количестве или качестве предметов при купле-продаже или иной возмездной сделке; 3) побуждение посредством обмана с целью доставить себе или другому имущественную выгоду, к уступке права по имуществу или к вступлению в иную невыгодную сделку по имуществу [31. С. 190].

Главным признаком снова был признан обман, под которым Н.С. Таганцев понимал сознательное и умышленное искажение истины для введения другого в заблуждение, для обольщения его [32]. При этом содержанием обмана охватывалась информация только относительно фактов настоящего либо прошлого времени, поэтому ложные обещания относительно фактов, которые должны произойти в будущем, мошенничеством не признавалось: «Понятием обмана не обнимаются лживые обещания, например, получения денег в долг с обещанием своевременной уплаты, хотя бы обещающий при самом получении кредита сознавал неисполнимость своего обещания. Поэтому обман не должно смешивать и с нарушением доверия или злоупотребления доверчивостью» [33].

Нормы об ответственности за злоупотребление доверчивостью были закреплены в гл. 34 «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу». В данной главе была предусмотрена ответственность за несостоятельность и сокрытие имущества от кредиторов, за ростовщичество, то есть предоставление ссуды за высокий процент. Для нас представляет интерес ч. 2 ст. 611, в которой была предусмотрена ответственность за «побуждение к вступлению в невыгодную сделку или к иному невыгодному по имуществу распоряжению посредством лживых обещаний и или иных уловок, воспользовавшись для сего отсутствием у потерпевшего ясного понимания свойств и значения такой сделки или распоряжения» [31. С. 198]. Это деяние влекло уголовное наказание в случае, «если они учинены с целью доставить себе или другому имущественную выгоду». От мошенничества этот состав отличало отсутствие обмана. Как отмечал Н.С. Таганцев, при злоупотреблении доверчивостью побуждение потерпевшего достигалось или ложными уверениями,

то есть заявлениями, имеющими в виду что-либо, долженствующее произойти в будущем, или уловками, то есть разнообразными конклюдентными действиями, направленными на возбуждение в уме потерпевшего ошибочного представления о свойстве и значении совершаемой сделки [32. С. 915].

Круг субъектов и потерпевших такого преступного посягательства был неограничен, что вызывало затруднения при толковании, в связи с чем данная норма Уложения могла быть применима и к случаям кредитного обмана, под которым понималась всякая недобросовестная деятельность, направленная на получение кредита [32. С. 916]. Тем не менее случаи получения кредитных средств путем предоставления ложных сведений относительно фактов прошлого и настоящего без цели присвоения либо получения имущественной выгоды оставались вне сферы действия Уложения, что могло породить злоупотребления со стороны недобросовестных заемщиков.

Уголовное Уложение 1903 г. закрепляло, на наш взгляд, достаточный перечень норм, предусматривающих ответственность должников. При этом уголовной ответственности подлежали лишь лица, объявленные несостоятельными, или лица, которые своими действиями влекли такое состояние своих дел [1. С. 27]. Поэтому особый интерес вызывают деяния, примыкающие к банкротству. Эти посягательства в Уголовном Уложении 1903 г. были закреплены под названием «имущественная недобросовестность».

К такой недобросовестности Уголовное Уложение относило следующие деяния: неисполнение обязанностей должника по отношению к его кредиторам (ст. 599–604); сокрытие способов удовлетворения кредиторов, таких как необъявление их суду (ст. 606); противозаконное распоряжение своим имуществом во вред кредиторам (обесценение или отчуждение недвижимого имущества, состоящего в залоге, похищение, сокрытие, отчуждение или отдача в залог заложенного или арестованного движимого имущества и т. д.) (ст. 607). Как видим, данные нормы частично схожи с современными положениями действующего уголовного закона, предусматривающего ответственность за злостное уклонение от уплаты кредиторской задолженности, а также за неправомерные действия при банкротстве.

Уголовное уложение 1903 г. оказалось последним фундаментальным источником уголовного права Российской империи. Интерес к его изучению вызван тем, что его подготовка и принятие оказались неопределимым вкладом в развитие русского права. И это не случайно, ведь к его разработке были привлечены такие известные ученые, как Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, Н.А. Неклюдов, В.К. Случевский. Последующее развитие уголовного законодательства в сфере кредитных отношений было, по нашему мнению, по своему значению и вкладу в науку уголовного права не столь значимым, тем не менее излишняя криминализация деяний, которая наблюдается в Уложении 1903 г., представляется нам необоснованной. Думается, что формулирование составов имущественных преступлений в качестве материальных является, с учетом ценности охраняемых восполняемых и восстанавливаемых благ, более целесообразным, чем в качестве формальных.

Исторический анализ показал, что гражданское и уголовное законодательство отличается преемственностью. Закрепляя в Русской Правде нормы об ответственности за нарушения условия договора займа, законодатели того времени понимали необходимость и целесообразность охраны подобного рода отношений. И это понимание существовало на протяжении всего периода развития отечественного уголовного права, начиная с X в. по настоящее время. На некоторых исторических этапах не было развития кредитных отношений, например в период раздробленности, тем не менее на каждом этапе существовали те или иные условия, способствовавшие охране и защите кредиторов либо добросовестных должников. К примеру, введение обязательной письменной формы заемных отношений обеспечило защиту добросовестных кредиторов, подтверждавших наличие договорных отношений в случае нежелания возвращать долг заемщиком, либо ограничение роста процентов в случае просрочки исполнения заемных обязательств. Наиболее значимым по вкладу в науку уголовного права был период абсолютной монархии, однако сильное влияние западных идей и источников уголовного права привело к излишней криминализации, применению неэффективных мер уголовной репрессии к различного рода нарушениям регулятивных норм, существовавших вплоть до первой половины XX в., тогда как возможность восстановления нарушенного имущественного права могла быть осуществлена в порядке гражданского судопроизводства.

Анализ развития ответственности за преступления в сфере кредитования в историческом ракурсе позволяет выявить важную роль для современного законодателя Российской Федерации в части разработки положений по предупреждению незаконного получения кредита и уклонения от погашения кредиторской задолженности. Можно сделать вывод, что развитие ответственности было последовательным, учитывающим значимость объекта уголовно-правовой охраны, его восстановимости с

постепенным переносом акцента с рассмотрения имущества как высшей ценности в Русской Правде на осознание того, что высшим благом является жизнь человека. Это выражается, прежде всего, в ограничении сферы применения уголовно-правовых норм в отношении тех или иных случаев нарушения позитивных отношений, которое (ограничение), на наш взгляд, должно продолжаться и дальше с одновременным развитием отраслевого регулирования отношений в сфере кредитования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сапожков А.А. Кредитные преступления: Незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
2. Чебышев-Дмитриев А. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань, 1862. С. 79 // Погосян Т.Ю. Торговые отношения в призме уголовного законодательства: Историко-правовой аспект. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 1998. С. 508.
3. Российское законодательство X–XX веков. Тексты и комментарии: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 432.
4. История денежно-кредитной системы России / под ред. Н.И. Парусимовой: учеб. пособие. Оренбург: ГОУ ВПО ОГ, 2004. С. 246.
5. Погосян Т.Ю. Торговые отношения в призме уголовного законодательства: Историко-правовой аспект. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 1998. С. 508.
6. Ключевский В.О. Сочинения: в 8 т. Т. I: Курс русской истории. Ч. I. М.: Гос. изд-во полит. лит. 1956. С. 425.
7. Российское законодательство X–XX веков. Тексты и комментарии: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 520.
8. Ключевский В.О. Сочинения: в 8 т. Т. II: Курс русской истории. Ч. 2. М.: Гос. изд-во полит. лит. 1957. С. 466.
9. Российское законодательство X–XX веков. Тексты и комментарии: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 520.
10. Фойницкий И. Я. Мошеничество по русскому праву. Ч. II. М.: Изд-во Совр. гуман. ун-та, 2006. С. 292.
11. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-н/Д, 1995. С. 640.
12. Российское законодательство X–XX веков. Тексты и комментарии: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 3: Акты земских соборов. М., 1985. С.512.
13. ПСЗ. Собр. 1. Т. 14. № 10.235. С. 87.
14. ПСЗ. Собр. 1. Т.8. № 5456.
15. ПСЗ. Собр. 1. Т. 9. № 6300.
16. ПСЗ. Собр. 1. Т. 15. № 10.911.
17. ПСЗ. Собр. 1. Т. 21. № 15.147. С. 108.
18. Устав о суде таможенном по словесным прошениям от 26 августа 1727 года // ПСЗ Российской империи. № 5.
19. Устав о банкротях от 19 декабря 1800 года // ПСЗ Российской империи. № 19692.
20. Устав о торговой несостоятельности от 25 июня 1832 года // ПСЗ Российской империи. № 5463.
21. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Соцэргиз, 1963. Кн.10.С.781.
22. Российское законодательство X–XX веков. Законодательство периода расцвета абсолютизма: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т.5. М., 1987. С. 528.
23. ПСЗ. Собр. 2. Т. 37. Отд. 2. СПб., 1865. № 38798.
24. Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении: пособие для учащихся в старших классах. М.: ЦГО, 1996.С. 176.
25. Гусейнов Р. История экономики России: учеб. пособие. М.: ИВЦ «Маркетинг»; ООО «Изд-во ЮКЭА», 1999. С. 210.
26. Уложение о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. СПб., 1845. С. 824.
27. Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885. СПб.:1908. 959 с.
28. Российское законодательство X–XX веков. Тексты и комментарии: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 8: Судебная реформа. М., 1991. С. 496.
29. Свод законов Российской империи. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Репринтное издание 1914 года. Волгоград, 1995.
30. Золотова Н.М. Преступления в сфере кредитования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 207.

K.M. Voevodkina

CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF CREDIT RELATIONS IN RUSSIA: HISTORICAL ASPECT

The study of current Russian legislature leads researchers to address a question about incipience and development of certain rule of law. The analysis of historical evolution of responsibility for crimes in the lending sphere induces the theoretical and practical interest. Researching of previous legislations enables to reveal the advantages and disadvantages of them. So we can improve hibernal mechanism of criminal-law protection of relations in lending sphere.

The historical and genetic approaches lay in the basis of presented article. The author used dialectical and logical methods as well as special juridical. Analysis of historical acts of the past makes it possible to trace the development of credit relations, the emergence of norms aimed at protecting these relations, and to identify those legislative provisions on the basis of which or with due account of which it is possible to revise and reform the current provisions of the Criminal Code of the Russian Federation in the field of credit relations.

Keywords: credit, credit relations, protection relations in the lending sphere, history of criminal responsibility.

Воеводкина Карина Маратовна, аспирант

Уральский государственный юридический университет
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21
E-mail: galeyeva_km@mail.ru

Voevodkina K.M., postgraduate student

Ural State Law University
Komsomolskaya st., 21, Yekaterinburg, Russia, 620137
E-mail: galeyeva_km@mail.ru